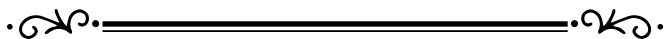

Омар Хайям

Омар Хайям

Рубаи

УДК 821.222.1-1
ББК 84(0)9-5
О-57

Перевод с фарси *Г. Плисецкого*
Оформление серии «Золотая коллекция поэзии»
Н. Ярусовой

В коллаже на обложке использована фотография:
Africa Studio / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Оформление серии «Народная поэзия» *А. Дурасова*

Омар Хайям.

О-57 Рубаи / Омар Хайям ; [пер. с фарси. Г. Б. Плисецкого]. — Москва : Эксмо, 2025. — 288 с.

ISBN 978-5-699-95431-5 (Золотая коллекция поэзии)

ISBN 978-5-04-094690-7 (Народная поэзия)

Знаменитые четверостишия-рубаи Омара Хайяма (ок. 1048 — ок. 1123) переводятся на русский язык уже более ста лет, но с особым успехом — начиная с 70-х годов XX века. В сборник, который вы держите в руках, вошли рубаи, переведенные замечательным поэтом и переводчиком восточной поэзии Германом Плисецким. «Хайям Германа Плисецкого убеждает прежде всего потому, что в его переводах старый иранский мудрец — действительно великий поэт» (Б. Слуцкий). Дополнительную ценность сборнику придают предисловие самого поэта-переводчика и послесловие с рассказом о его судьбе.

УДК 821.222.1-1
ББК 84(0)9-5

ISBN 978-5-699-95431-5
ISBN 978-5-04-094690-7

© Плисецкий Г.Б., перевод
на русский язык, наследники, 2025
© Плисецкий Д.Г., составление, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

ЖИВАЯ ЛИЧНОСТЬ ПОЭТА

От переводчика

Стихи такого поэта, как Омар Хайам, возможно, не нуждаются в предисловии. Но поскольку время его творчества отделено от нас восемью веками, я решаюсь добавить несколько слов от себя. Всё, что я узнал о Хайаме, всё, что понял в нем за время работы, — всё это без остатка ушло в переводы. Итог — перед читателем. Но мне хочется сказать о том, как постепенно менялось мое собственное представление о переводимом поэте, как живая логика его стихов изменяла предвзятый, односторонний образ, существовавший в моем воображении.

Ибо помимо поэтических и переводческих традиций существует еще инерция восприятия. Сложный поэт нередко упрощен, иногда (невольно) на первый план выступает одна какая-нибудь его чер-

та, затеняя собой остальные. Так возникают «байронизм», «киплингианство», «есенинщина». То же произошло и с Хайамом. У многих, и у меня в том числе, сложился образ этакого веселого старца, с неизменной чашей в руке, между делом изрекающего истины. (Кабачки имени Омара Хайама, открывшиеся в начале XX века в Европе и Америке, — только крайнее выражение этого понимания поэта.)

Несоответствие этого шаблона истинной поэзии Хайама я почувствовал уже при работе над пробными четверостишиями. Из двадцати надо было перевести на выбор десять. Я решил перевести все двадцать, а потом отобрать из них лучшие. И оказалось, что лицо Хайама определяют не гедонические мотивы, а четверостишия, полные сосредоточенного, скорбного размышления. Именно они определили выбор стихотворного размера для перевода, именно они получились удачней других.

Чем больше я погружался в работу, тем дальше отходил от первоначального образа-схемы. Количество выпитого вина в тексте не убавлялось, но как бы уходило в придаточное предложение, становилось орнаментом. И постепенно сквозь стихотворные строки стал проступать облик совсем другого человека.

Спорщик с Богом, бесстрашный ум, чуждый иллюзий, ученый, и в стихе стремящийся к точной

формуле, к афоризму, — таков Хайам, астроном и математик. Каждое четверостишие — уравнение. Ученый по-новому комбинирует известные ему величины, стремясь найти Неизвестное. Четверостишия слагаются в серии. Одна и та же мысль варьируется многократно, рассматривается с разных сторон. Посылки все те же, а выводы порой прямо противоположны. Не думаю, что «противоречивость» Хайама может служить основанием для того, чтобы отвергать его авторство в доброй половине четверостиший (так полагали многие ученые востоковеды). Есть в этих крайностях высшее единство — живая личность поэта, стоящая над собственной исследовательской мыслью, примиряющая противоречия.

Если уж говорить о сомнительной принадлежности Хайаму некоторых четверостиший, то они отличаются не противоположностью суждений, а принципом поэтической организации. Так, мне кажется, что Хайаму чуждо «живописание». Он точно, четко мыслит в стихе, а не рисует картины. Поэтому несколько чужеродными мне представляются немногие пейзажные четверостишия. Внимательный читатель без труда отыщет их. В этом отличие Хайама от других великих персидских поэтов и в этом, может быть, секрет его широкой популярности за пределами родной страны.

Точность, немногословность, отсутствие случайного, симметрия формы — всё это роднит рубаи Хайама с математической формулой. Форма хайамовского рубаи необычайно дисциплинирует переводчика, ставит жесткие границы, и в то же время сама подсказывает приемы работы. Упомяну из них то, что я назвал бы «взаимозаменяемостью деталей» у Хайама. Полстроки, целая строка, а порой и двустихишие целиком повторяются в разных четверостишиях, могут быть перенесены из одного в другое. Что это? Позднейшие варианты? Я предпочитаю думать, что это поэтический принцип, и полностью использовал его в переводе.

Как Хайам на протяжении своей долгой жизни возвращался к важным для него мыслям, пересматривая их снова и снова, так и мы, переводчики, будем еще не раз возвращаться к его творчеству, казалось бы, столь ясному и осознанному, но каждый раз открывающему новые возможности, новую точку зрения. Работа эта, как я убедился на собственном опыте, практически бесконечна. Перечитывая сделанное, вдруг видишь места, которые можно усилить. Но стоит улучшить одно четверостишие, как соседнее начинает выглядеть слабым. Чтобы издать книгу, нужно было однажды остановиться.

Герман Плисецкий

A decorative rectangular border with intricate, repeating scrollwork and floral patterns in black ink, framing the central text.

РУБАЙАТ

1

Много лет размышлял я над жизнью земной.
Непонятого нет для меня под луной.
Мне известно, что мне ничего не известно, —
Вот последний секрет из постигнутых мной.

2

Я — школяр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Всё еще не зачислен в разряд мастеров...

3

И пылинка — живую частицей была,
Черным локоном, длинной ресницей была.
Пыль с лица вытирай осторожно и нежно:
Пыль, возможно, Зухрой яснолицей была!

4

Тот усердствует слишком, кричит: «Это — я!»
В кошельке золотишком бренчит: «Это — я!»
Но едва лишь успеет наладить делишки —
Смерть в окно к хвастунишке стучит: «Это — я!»

5

Этот старый кувшин безутешней вдовца
С полки, в лавке гончарной, кричит без конца:
«Где, — кричит он, — гончар, продавец,
покупатель?
Нет на свете купца, гончара, продавца!»

6

Я однажды кувшин говорящий купил.
«Был я шахом! — кувшин безутешно вопил. —
Стал я прахом. Гончар меня вызвал из праха —
Сделал бывшего шаха утехой кутил».

7

Этот старый кувшин на столе бедняка
Был всеильным везиром в былые века.
Эта чаша, которую держит рука, —
Грудь умершей красавицы или щека...

8

Когда плачут весной облака — не грусти.
Прикажи себе чашу вина принести.
Травка эта, которая радует взоры,
Завтра будет из нашего праха расти.

14

9

Был ли в самом начале у мира исток?
Вот загадка, которую задал нам Бог.
Мудрецы толковали о ней, как хотели, —
Ни один разгадать ее толком не смог.

10

Видишь этого мальчика, старый мудрец?
Он песком забавляется — строит дворец.
Дай совет ему: «Будь осторожен, юнец,
С прахом мудрых голов и влюбленных сердец!»

15